

«ЧРЕВАТАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»: ОСОБЕННОСТИ АБСУРДА В ПРОЗЕ Д. ХАРМСА

Отинова А.А.
НГПУ, студент

"UNLIMITED OPPORTUNITIES": FEATURES OF ABSURDITY IN PROSE BY D. KHARMS

Otinova A.A.
NSPU, student

Исследование посвящено поэтике абсурда в «Случаях» Д. Хармса. Проанализированы рассказы из сборника, выявлено, что главными художественными средствами создания абсурда являются деформация тела персонажа и сюжет исчезновения.

Ключевые слова: Д. Хармс, абсурд, категория телесности.

The research is devoted to the poetics of the absurd in the "Incidences" by D. Kharms. The stories from the collection have been analysed, we revealed that the main artistic means of creating absurdity are the deformation of the character's body and disappearance of the plot.

Key words: D. Kharms, absurd, elusive body.

Научный руководитель:
Жиличева Галина
Александровна,
д-р филол. наук, профессор.

В словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» термин «поэтика абсурда» (лат. "absurdus" — «нескладный», «негармоничный») трактуется как разрушение в художественном тексте логических и ассоциативных связей, ведущее, с обыденной точки зрения, к бессмыслице и вместе с тем стимулирующее столкновение смыслов и порождение новых [1].

Исследователи считают, что творчество обэриутов основано на принципе «переворачивания» нормы. По мысли М. Ямпольского, «система "переворачивания", обращения, превращения верха в низ, а низа в верх, вся система нарушения ассоциативных цепочек, столь важная для хармсовской поэтики, исходит из фундаментальной упорядоченности мира. Если бы мир не был упорядочен, то было бы невозможным менять местами верх и низ. Все хармсовские трансформации и деформации имеют смысл только на фоне предопределенности мировых иерархий» [2].

Особенно ярко абсурдизация «порядка» проявляется через категорию телесности.

В текстах Хармса телесный образ человека несет в себе скрытый смысл, «состоящий из многих знаков» [3]. Рассмотрим несколько примеров.

Во фрагменте «Оптический обман» нет прямых указаний на телесность, но есть косвенные. Мы можем предположить, что у Семена Семеновича есть глаза, причем зрения деформировано, потому что есть указание на очки: «...надев очки, смотрит на сосну...» (с. 299) [4]*. В конце текста Семен Семенович «отказывается верить в это явление» (с. 299) — но перед этим абзацем происходит как раз появление мужика, т.е. мы можем сказать, что первый герой не принимает именно того факта, что второй появляется в пространстве, а его исчезновение как раз не вызывает никакой ре-

акции. Таким образом, исчезновение является нормой изображаемого мира, а существование другого герой воспринимает как галлюцинацию.

Событие исчезновения тела происходит и во фрагменте «Голубая тетрадь»: описывается человек, но к каждому новому высказыванию добавляется «не», то есть получается «человек... у которого не было глаз и ушей... не было волос... не было рта...» (с. 297). В конце нам сообщается что «ничего у него не было» (с. 297). Перед нами возникает картина постепенно исчезающего героя. В начале текста он все-таки существовал: «Был один рыжий человек...» (с. 297), но в ходе рассказа произошло некое событие, по причине которого его не стало. Ж.-М. Жаккар высказывает гипотезу о том, что ноль в поэтике Хармса содержит в себя неограниченное число возможностей, бесконечность: «ноль, чреватый бесконечностью возможностей» [5], «...ноль может заключать в себе понятие бесконечности...» [5]. Событие исчезновения мы можем интерпретировать как стремление к нулю, то есть стремление к «чреватости бесконечностью возможностей».

Голова есть у героя рассказа «Математик и Андрей Семенович»: «Я вынул из головы...» (с. 304), — но она представлена деформировано, у нее нет границ. Жаккар отмечает: «Бесконечность прямой, то есть пространства, стало возможным выразить в форме круга» [6]. Шар, который герой вынимает из головы, является символом Бесконечности, к изображению которой стремились авангардисты и которую Хармс представил в форме круга. Также есть косвенное указание на то, что у героя есть ноги: «...постояв минутку» (с. 304). У второго героя, Андрея Семеновича, есть рука: «...досадливо машет рукой» (с. 304) и косвенное указание на ноги: «...уходит» (с. 304).

Также интересно то, что Андрей Семенович постепенно как бы исчезает, «уходит»: текст композиционно построен в виде пьесы и имя в первой реплике выглядит так: «Андрей Семенович», во второй — «Андрей

* Здесь и далее тексты произведений Д. Хармса цитируются (с указанием страницы в тексте статьи в круглых скобках) по изданию [4].

Семен.» и далее — «Андр. Семен». Герой не только практически отсутствует телесно, но и его имя постепенно исчезает, т.е. он как бы исчезает на фонетическом и графическом уровне.

Во фрагменте «Сон» у героя появляется рот, чего нет во всех предыдущих фрагментах: «...почесал рот» (с. 303); также на это есть косвенное указание: «...чтобы не мочить слюнями подушку» (с. 303), «...закричал...» (с. 303). У героя появляется голова: «подложил под голову газету...» (с. 303). У него есть ноги: «...подвязывать к ногам веревочкой...» (с. 303). Интересная характеристика телесности возникает в конце текста: «Калугина сложили пополам...» (с. 303), то есть тело теряет свои естественные свойства, деформируется, становится похожим на бумагу, которую можно сложить.

Смерть тела, а также его исчезновение, которое можно рассматривать как смерть, представляет его в «подлинном облики». Ямпольский пишет: «В момент исчезновения тело как бы все, целиком, прошло перед наблюдателем, “фильм” тела заканчивается, и оно фиксируется в памяти во всех своих фазах» [2]. То есть смерть отражает подлинное, наиболее полное изображение тела.

Анализируя телесность в «Случаях», мы выявили, что герои обладают органами для выведения звуковой информации, но у них нет тех частей тела, которые служат для восприятия аудиальной информации, вследствие чего происходит нарушение коммуникации. Зрение героев деформировано, что приводит к фрагментарному восприятию мира. Деформированной также является и голова персонажей. Важно отметить, что тело представлено по частям, что находит отражение в идее события смерти через рассечение тела на части.

Д. Хармс стремился к полному изображению мира, такому изображению, в котором отразились бы все стадии существования мира. Данная идея проявляется

через художественные приемы «Случаев», а именно через событие исчезновения, стремление к нулю, который заключает в себе некое бесконечное количество возможностей, то есть нечто наиболее полное. Смерть тела, изображение тела во всех фазах его существования позволяет достичь полноты образа.

Но взаимодействие субъекта с миром, полнота присутствия субъекта в теле оказываются невозможными, что проявляется в сюжетах «Случаев». Разделение тела на части, отсутствие у героев ушей, то есть органа для восприятия звуковой информации, деформация зрения манифестируют эстетику абсурда. Тема деформированного зрения связана с философским представлением о мире, о котором пишет Ж.-М. Жаккар: «...мир недоступен во всей его целостности и человек может видеть лишь отдельные его части...» [5]. Таким образом, через данные приемы проявляется невозможность воспринять мир в его полноте.

Литература

1. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тмарченко. — М. : Издательство Кулагиной, 2008. — С. 7.
2. Ямпольский М. Беспамятство как исток. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
3. Фариню Е. Введение в литературоведение : учебное пособие. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. — С. 228.
4. Хармс Д. Собрание сочинений : в 2 т. — М. : АСТ, 2010. — Т. 1.
5. Жаккар Ж.-М. Даниил Хармс и конец русского авангарда [Электронный ресурс]. — СПб. : Академический проект, 1995. — URL: — <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-i-konec-russkogo-avangarda19.html> (дата обращения: 8.04.18).
6. Буренина О. Абсурд и вокруг: сборник статей. «Cisfinitum» и смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 80.